
Анна ЮРЬЕВА

РАССКАЗЫ

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Знаете, почему я не люблю стихи?

Была у меня одна история. Слушайте.

— Скажи, ты это кому написала? Своему? Этому, да? Ухажеру недоделанному!

Муж ходил по комнате, махал руками и кричал.

— Совести нет! У всех на виду...

Я сидела на диване и смотрела на него. Он мерил комнату шагами. Потом остановился, тяжело задышал. Волосы взъерошились, ноздри раздувались. Испарина выступила на лбу. Он взял телефон в руки и начал искать. Нашел. Состроил ехидную гримасу и начал читать:

Ты мое отражение все же,
Непохожий случайный прохожий.
И я чувствую нежную дрожь,
Когда рядом сидишь и молчишь.

Дрожь она, с..., чувствует. Тьфу! Рядом сидят... Так и скажи, что у вас уже все было! Ну было же? Хватит уже этого цирка! Еще и на весь Интернет это выставила!

Муж подошел ко мне, поднес телефон к лицу. Стал тыкать в экран и выразительно смотреть.

Я вздохнула.

— Я тебе уже в который раз объясняю. Это просто стихи. И нет у меня никакого ухажера... — я невозмутимо отвернулась.

Муж стоял и сопел. Я так и представляла его злые глаза.

— Не бывает ничего просто. Поэтесса, б... Ничего мне рассказать не хочешь?

Я возмущенно повернулась и сказала:

Анна Андреевна Юрьева родилась в 1990 году. Живет и работает в Благовещенске Амурской области. Окончила Амурский государственный университет по специализации «Филология». Работает в МБУК «Муниципальная информационная библиотечная система». В 2019–2023 годах — внештатный журналист «Амур.инфо». Автор краеведческого комикса «Антоша Чехонте», авторского сборника «Белое, черное и цветное: в стихах и прозе», сборника стихотворений «На пределе эмоций» и графического романа «Леонид Волков — поэт и защитник Отечества». Руководитель литературной школы #ЯПишу. Куратор всероссийских проектов РГБМ «Премия читателя» и «Литературная карта России в комиксах» в Амурской области. Преподаватель писательского и сценарного мастерства в проектах-победителях Фонда президентских грантов. Публиковалась в литературно-художественном альманахе «Амур» (2023), литературном журнале «Урал» (2023), «Литературная газета» (2023), коллективных сборниках и изданиях.

— Мне тебе рассказывать нечего. Это просто стихи. Ты же не предъявляешь Пушкину или, например, Маяковскому, что они писали о своей жизни! Это глупо! И я не вижу никаких причин ссориться.

Разговор, точнее, истерика мужа длилась еще полчаса. Он кричал, обвиняя меня в измене, потом угрожал, а потом затих и очень грустным голосом спросил:

— Дорогая, это правда — просто стихи?

Я обняла его и успокоила:

— Это просто стихи, и ничего кроме.

Муж совершенно ничего не смыслил в поэзии.

На следующий день все повторилось. Причиной стали стихи моего коллеги, где он писал:

Мы параллельные прямые.
Со своими жизнями и направлением.
То, что пересеклись мы,
Давай назовем провиденьем.

Муж кричал, называл подлой изменщицей, тварью, мразью, лживой с... и другими нелюбезными словами.

— Пересеклись они. Так уже и писал бы, что отымел тебя. Дура!

Литературная критика в моем доме набирала обороты. А ведь муж был далеко не Белинский. У него из любимых поэтов были только Шнур и Жека. Один — в ту пору, когда снимал шорты на сцене, а второй — перманентно.

Моему возмущению уже не было предела.

«Ах так!» — подумала я.

— Дорогой, если ты еще хоть раз позволишь себе высказывание в мою сторону, в сторону моих стихов или моего коллеги, я смертельно обижусь! А дальше — больше. Я возьму и ка-а-а-ак изменю тебе! Вот тогда и будешь кричать.

Муж затих. Посмотрел на меня внимательно. Почесал затылок.

— То есть не было ничего? — спросил он почти шепотом.

— О боже! Олег! Ты в своем уме? Я вообще не знаю, о ком он пишет.

Муж вздохнул и начал что-то бормотать, это что-то было слабо похоже на извинения.

Пару дней стихи не писались. Виной всему выходные. Дома громко орал то один любимый поэт мужа, то другой, то сам муж, который подпевал обоим.

Где же здесь цвести поэзии? Ну конечно же, места стихотворениям не было.

В понедельник я пришла на работу. Максим, коллега, вежливо спросил, как у меня прошли выходные. Я вздохнула и сказала:

— Прекрасно, Максим. Наслаждалась музыкой...

Днем директор вызвал меня к себе в кабинет и сказал, что отправляет меня в командировку в соседний город, проверить один из объектов. К моему ужасу, мне в пару он назначил Максима.

«Да уж, просто литературной критикой уже мы не обойдемся...» — печально подумала я.

До самого вечера я все думала — как же сказать мужу про командировку. Думала, думала... Но ничего не шло на ум.

Зато успело прийти Максиму.

Он выложил статус «Еду в командировку в N-ск». И отметил меня.

Естественно, через пару минут позвонил муж. И истерика повторилась. Я молчала, а из смартфона, почти физически касаясь меня, доносились чертыхания и проклятия.

Так я от мужа и ушла.

К Максиму.

А вы говорите «поэзия», «искусство». Я вот из-за литературной критики развелась.

НЕ В РЕСУРСЕ

— Хеллоу, ребята-зверята! У вашей любимой Рони траблы... — Вероника запустила прямой эфир и поправила локон.

И правда, траблы были существенными.

— Вы себе даже не представляете, где я... — закатила глаза Рони. — Это адский ад! Все вы прекрасно знаете, что вчера я приехала в небольшой, но продвинутый городок со своим мегахитом, открытием для девушек — коуч-тренингом от Рони Васильевой — «Забей на него х...». И что вы думаете?

Рони говорила певуче — тянула гласные, кокетничала и поправляла белоснежную бейсболку. Волосы, по ее мнению, лежали не очень. Но она же в беде!

По коридору прошла санитарка с вонючим ведром и тряпками. Резко в нос ударил запах хлора. Не очень опрятная, полная в талии женщина натянула резиновые перчатки, нагнулась и окунула серую тряпку в ведро. Поднялась, ругнулась и стала поправлять плохо покрашенные грязные волосы рукой в мокрой перчатке. Опять чертыхнулась, сняла перчатку, завела волосы за ухо, надела перчатку и продолжила свою рутинную работу.

Рони скосила на нее глаза, но не остановилась и продолжила:

— Тренинг прошел на ура! В зале был полный солд-аут. Девчонки наконец-то смогли сказать всем своим бывшим «адъесики». Новая жизнь, деньги, успех и достойные мужчины, которые придут после моей коуч-сессии, не за горами.

На экране новенького айфона появлялись смайлы и комментарии. Ведь эфир Рони смотрели несколько тысяч человек. Один из комментариев с явным сочувствием автора вопрошал о траблах. Девушка, надув пухлые губки с элегантным пирсингом, грустно протянула:

— Да, мои хорошие, так и есть. У вашей Рони огромные траблы. Улицы здесь зимой — просто кринж. Я вышла из зала после плотного общения с девочками и поскользнулась. По ходу я что-то себе сломала. Дождаться «скорую» здесь — это просто анриал. Боль невероятная, я, кажется, даже отключалась. И вот — через три часа я сижу в какой-то страшной, обшарпанной больнице, потому что платных клиник здесь нет, а у травматологии... — девушка закрыла глаза, слезливо подышала и продолжила: — Вы не поверите, что такое возможно в современном мире... Прикиньте, ракеты в космос летают, а в этом городишке у травматологии выходной!

Санитарка хмыкнула. На ее одутловатом лице с явными признаками тяжелого похмелья не отражалось никаких эмоций, кроме усталости и даже какой-то обреченности. Уголки губ тянулись вниз, а бесцветные глаза не выражали ни одной мысли. Она механически размазывала воняющую хлоркой воду по коридору, споласкивала тряпку, плюхая ее в ведро с уже грязной водой, слабо отжимала и, намотав ее кое-как на швабру, продолжала размазывать мутную воду по полу, создавая иллюзию чистоты.

— Это просто лютая дичь, мальчики и девочки! — лицо Рони выражало полную растерянность. — Вы только посмотрите, где я.

Девушка перевела камеру айфона на грязные стены и не менее грязный пол, который от усилий санитарки не становился чище. В кадр попала невероятно распухшая

коленка в шине, которую было видно сквозь модные рваные джинсы. Девушка вернула свое изображение на экран.

— Я не знаю, когда меня примет хоть какой-то врач. Слава богу, что в «скорой» мне поставили обезбол... — девушка смахнула невидимый пот со лба. — В общем, Рони не в ресурсе, котики...

— Ноги уберите, дамочка! — поравнялась с блогеркой санитарка. — Мне пол надо протереть.

Рони непонимающе уставилась на женщину:

— Алё! Глаза-то разуйте — у меня нога, вообще-то, сломана...

Санитарка посмотрела на ногу Рони, потом на ее неуместный в реалиях провинциальной больницы тренч с мехом цвета фуксии и сказала:

— И чего? Я те говорю, мне пол помыть надо. Че — мне ждать, пока у ты кость срастется? — санитарка оперлась на швабру. — Двигай свой шахеризад, глядишь — в ресурс войдешь и побежишь.

Рони опешила.

— Что ты мне сказала? — воскликнула она и повернулась к камере. — Покусики, пупсики. У меня конфликт с обслуживающим персоналом. Скоро Рони вернется и все вам расскажет.

Надушенный пальчик с длинным ухоженным ногтем нажал кнопку завершения эфира.

— Ты больная? — с явным вызовом поинтересовалась Рони у санитарки.

— Я? — спокойно переспросила санитарка. — Я — нет, а ты точно больная. Ты же в больнице сидишь. Так вот, ущербная, давай — жопу свою богатую двигай, мне пол надо помыть.

— Я не знаю, как это на вашем, — дерзко ответила Рони, — но я не могу. Понимаешь ты это или нет?

Санитарка еще раз медленно осмотрела девушку с головы до ног и остановила взгляд на опухшем колене, усмехнулась и спросила:

— А че так — не в ресурсе?

В воздухе повисла пауза. Обе женщины буравили друг друга глазами.

— У вас что — проблемы какие-то, и вы поэтому к людям цепляетесь? — выдавила Рони и заплакала. — Что я вам сделала?

Санитарка опустилась рядом на скамейку с плачущей девушкой.

— А у кого их нет, проблем-то? — усмехнулась. — У тебя, что ль?

У Рони потекла тушь. Она стала искать в сумочке салфетку, но та никак не желала находиться. Из маленького зеркальца на зареванную девушку будто смотрела панда. Санитарка сняла перчатки и полезла куда-то под халат, вздохнув терпким перегаром, из недр одежды она достала помятый носовой платок.

— Держи, болезная, — протянула она его Рони.

Девушка брезгливо взяла его двумя пальчиками, осмотрела со всех сторон и понюхала.

— Не стремайся — чистый, — недовольно буркнула санитарка. — Ты это...

Снова повисла пауза. Рони старалась хоть как-то привести себя в порядок с помощью носового платка, когда услышала слова санитарки и замерла.

— Ты не обижайся на меня.

Санитарка неловко заерзала рядом, посмотрела на Рони, ее ухоженное лицо и руки и перевела взгляд на свои убитые работой руки со сломанными ногтями, заусенцами и мозолями. Она постарается спрятать их в кулаках, крепче сжав влажные перчатки.

— Ты вот говоришь — «не в ресурсе»... А я мою пол и думаю: что ты в своей розовой шубе знаешь вообще о жизни... Даже как-то обидно за себя стало...

— А что у вас случилось? — неловко поинтересовалась Рони.

— Жизнь у меня случилась. Вот ты думаешь — мне сколько лет? — спросила санитарка.

— Ну... Не знаю... — замялась Рони. — Лет пятьдесят.

— Вот именно, — вздохнула санитарка. — А мне сорока еще нет. Помотала меня жизнь. Я ведь раньше тоже, как ты, успешная была.

Рони с сомнением посмотрела на санитарку.

— И не надо так смотреть. Машина была, последней модели. Квартира. У меня муж зоопарком владел, дрессировщик. Мотался по стране, а потом раз — и кризис. Все продали, чтобы зверей содержать. Стали вдвоем ездить — то туда, то сюда. С медведицей в одном номере ночевали. Дочерей нажили. Время пришло — разбежались. Кем я потом только не работала: кондукторшей, продавщицей, поломойкой. Старшая упорхнула замуж, а младшую поднимать надо. Живем на земле, мужика нет — а это воды натаскай, дров наруби, натопи. Работаю в трех местах за копейки... — Санитарка опять усмехнулась: — Не в ресурсе, короче.

Санитарка встала, натянула перчатки, кивнула Рони и сказала:

— Ты тут не раскисай. Я щас врача позову. Домою и позову.

— Спасибо... — протянула Рони. — Может, вам помочь как-то? Денег, там?

— Можешь помочь, конечно.

— Как?

— Как-как... — улыbnулась санитарка. — Жопу свою ущербную подвинь. Пол мне и правда помыть надо.

АБЬЮЗЕР

По коридору поликлиники сновали люди. Врачи и медсестры в халатах с документами в руках входили и выходили из кабинетов. Пациенты оглядывали длинную очередь и искали — кто крайнего, кто последнего. Бабульки собачились из-за времени и талончиков. Все старые коричневые дерматиновые скамейки были заняты. Голубые грязные стены украшали стенды с разного рода информацией: о диспансеризации, правах пациентов, вакцинации и платных услугах.

В дальнем углу, у окна на скамейке в одиночестве сидел молодой мужчина. Среднестатистический: в брюках, в рубашке, на которую сверху был надет свитер с V-образным вырезом, с залысинами, в очках и с портфелем в руках. Взгляд его затравленно блуждал по коридору, от громких звуков он вздрагивал. Пару раз мужчина даже вскакивал, мял в руках портфель, делал несколько шагов в сторону выхода, но вздыхал и возвращался обратно.

После пятнадцатиминутного ожидания случилось: скрипнув, открылась дверь. Медсестра спросила:

— Добрый день! Вы на прием?

Мужчина утвердительно кивнул, поднялся на ноги и быстро направился к двери.

Медсестра взмахнула рукой:

— Посидите, я сейчас вас позову, — и скрылась за дверью.

Мужчина оглянулся на других пациентов в коридоре, сжался и сел обратно на скамейку. Через пару секунд снова открылась дверь, и он услышал:

— Всё, доктор вас ожидает.

Мужчина суетливо зашел в кабинет и замер на пороге, не зная, что делать дальше. Справа, в углу, стоял компьютерный стол, к которому направилась медсестра. Чуть дальше лицом к вошедшему сидел врач, седой, почти лысый мужчина с такой же седой благообразной бородой. Как полагается, в халате и очень серьезный. Очки в тяжелой оправе практически висели на кончике его носа, а от дужек шла массивная цепочка. Он что-то писал, не поднимая глаз. Слева, в углу кабинета, уютно располагалась мягкая кушетка, возле которой стоял стол.

— Кхе-кхе, д-добрый день! — обозначил свое присутствие мужчина.

Доктор поднял глаза и пристально осмотрел пациента. Под его взглядом мужчина сжался еще больше, стиснул в руках портфель так, что побелели костяшки пальцев.

— Добрый день, добрый день! Кирилл Федорович, врач-психотерапевт, — голос у врача оказался красивый, низкий и бархатный. — Прошу вас, проходите на кушетку. Устраивайтесь, как вам будет удобнее. Если хотите, можете снять обувь и прилечь.

Молодой человек прошел к кушетке, положил на столик портфель. Оглядел кушетку, несколько раз вздохнул и сел. Достал из кармана брюк платок, снял очки и промокнул им лоб и глаза. В полной тишине он протер очки, надел их обратно и убрал платок. Некоторое время поерзал, пытаясь сесть поудобнее, но у него ничего не вышло. Вздохнул и замер, сгорбившись и положив руки на колени.

— Итак, как вас зовут? — спросил врач и внимательно стал смотреть на пациента.

— А... Антон Викторович. Буянов Антон Викторович, — торопливо сказал мужчина и продолжил скороговоркой: — Мне тридцать шесть, я женат. Д-двое детей. Работаю преподавателем исторического факультета.

Пациент замолчал и скосил глаза в сторону медсестры. Врач перехватил его взгляд и успокаивающе произнес:

— Екатерина фиксирует наш с вами разговор, чтобы я мог спокойно с вами беседовать, а потом также спокойно расписать терапию, — Кирилл Федорович разомкнул руки и развел ими в стороны. — И она, и я полностью на вашей стороне. Мы хотим вам помочь и ни в коем случае не можем и не будем вас осуждать. Никому и ничего не расскажем. Даже если нас попросят, — сказал по-отечески врач, улыбнулся и поднял вверх указательный палец. — Врачебная тайна! Так что не обращайтесь никакого внимания на Екатерину. Итак...

Кирилл Федорович повторил все, что сказал пациент, расспросил о хронических заболеваниях, аллергии, операциях, лекарствах, которые, возможно, принимает Антон, спросил о качестве сна и самих снах, а потом как бы между делом спросил:

— Вы впервые на приеме психотерапевта?

Пациент кивнул.

— Видимо, что-то случилось... — врач надвинул очки на глаза. — Так что же произошло?

Антон опустил взгляд на руки у себя на коленях. Пальцы суетливо мяли брючную ткань. Некоторое время он пытался начать рассказ, но никак не находил слов.

— Мы в очередной раз поссорились вчера... — начал Антон как-то невпопад. — В смысле, я и моя жена.

— Так-так... Что за повод?

— Она сказала, что я абьюзер, — сказал Антон удрученно и сглотнул. — Понимаете, а я так и знал, что все из-за меня...

Врач удивленно поднял брови, но продолжил разговор:

— Ваша жена сказала, что вы абьюзер? В чем же проявляется ваше абьюзивное поведение?

Антон вздохнул, поправил волосы и затараторил:

— Я же взрослый человек, с ученой степенью. Я все проверил — она права, она всегда права насчет меня и моего нездорового эгоцентризма. В Интернете так и пишут... — Антон засуетился, из портфеля достал телефон и начал барабанить пальцами по экрану. — Где же... Где же... А, вот! «Первым признаком того, что ваш партнер абьюзер, является обесценивание им ваших достижений и достоинств».

Антон торжествующе оторвал взгляд от экрана телефона и горящими глазами уставился на доктора.

— Понимаете?

— Если честно, еще нет, — Кирилл Федорович что-то пометил на листе бумаги, отложил ручку. — Попробуйте объяснить.

Антон качнул головой, закатыл глаза и с преподавательской интонацией заговорил:

— Все совершенно очевидно. Это про меня, — мужчина снова вытер платком лоб. — Посудите сами — в прошлый вторник я пришел после трех потоковых лекций домой. Устал, конечно, но это не оправдание — я совершенно не заметил, что у жены новый маникюр.

— И что же?

— Как что? — удивился Антон. — Я — эгоист. Думаю только о себе и своих студентах!

— Сколько пар в неделю вы ведете? — спросил врач.

— У меня пятьдесят-шестьдесят академических часов в неделю. Это пять-шесть пар в день, — задумавшись, ответил Антон. — Я понимаю, что мог бы и больше нагрузки взять ради семьи. Но у меня еще курсовые работы и аспиранты. А вечером я такую.

— Таксуете?

— Да, понимаете, — вздохнул Антон. — У меня жена не работает. Дом, дети — все на ней. Бедная, даже не знаю, как она все успевает.

Доктор снял очки и протер глаза:

— Что именно она успевает?

Антон востропнул и гордо проговорил:

— Как это что? Она общественной работой занимается.

— Как-как? Общественная работа? — заинтересовался Кирилл Федорович. — Собачки-кошечки и больные люди? Ну-с, чем именно?

— Она состоит в клубе мам в декрете. У них ежедневные встречи, работа с коучами по грудному вскармливанию, нетворкинги. Все очень серьезно!

— Любопытно... — протянул доктор. — И сколько вашим детям лет?

— Старшему шестнадцать, а младшему пятнадцать. Они погодки, — Антон снова залез в портфель, взял портмоне и развернул. — Прекрасные ребята!

Доктор встал из-за стола и подошел к Антону. В руках у Кирилла Федоровича оказалась фотография — с нее смотрели взрослые крупные парни, которые еще не переросли свою пухлоту. Половину фотографии занимала взрослая и солидная черноволосая дама в теле, красные губы ярко выделялись на лице.

— А женщина? — спросил доктор.

— Как же! — взмахнул руками Антон. — Это моя любимая жена, Марина Евгеньевна!

— Любопытно, — доктор вернул кошелек и медленно прошел к своему столу. — Разрешите вопрос?

Антон убрал портмоне в портфель и кивнул.

— А зачем она ходит на занятия по грудному вскармливанию? — спросил доктор, выразительно посмотрел на медсестру, а затем на пациента. — Вы планируете третьего ребенка?

— Нет, мы не можем это позволить с нашими финансами, — развел руками и заученно проговорил Антон. — Ведь у нас два взрослых сына, ипотека, кредиты... А Мариночка не работает.

— У вас кредитные обязательства? — доктор вздохнул и сел за стол. — Крупные покупки? Может, автомобиль?

— Нет, — отрицательно замотал головой Антон. — Просто некоторые занятия в клубе мам платные. Бывают и выездные, за городом. А в прошлом году была недельная сессия «Я — женщина», в Москве. Дальний Восток, сами понимаете. Билеты дорогие, проживание... Мариночка очень хотела. Вот я и взял кредит.

— Ясно... Так что же случилось вчера? Вы говорили — была ссора... — врач подчеркнул что-то на листочке.

— Да, все случилось вчера... — Антон встал и начал размахивать руками. — Понимаете, вчера у завкафа, Игоря Валентиновича, был юбилей. Он позвал меня...

Медсестра Екатерина встала, открыла шкафчик. В нем стояла бутилированная вода. Она достала одну бутылку и подала Антону. Мужчина стал открывать бутылку, надавил на нее и облился. Вскочил, достал платок — сначала вытер себя и свои брюки, затем диван. Покосив глаза на пол с разлитой водой, Антон спутанно извинился, выпил воды и сел на кушетку.

— В общем, я Мариночке сказал, что я задерживаюсь на работе, — выдавил из себя Антон.

— Соврали, получается? — уточнил врач.

— Получается... Мариночка против алкогольных напитков. И встреч во вне рабочее время, — мужчина снова вытер пот. — Она говорит, что я не умею пить совершенно. И как всегда, правда. Тем более что от рюмки до измены — один шаг.

— А были прецеденты? — удивленно спросил врач.

— Нет-нет, что вы! — взмахнул руками Антон. — Никогда! Я не хожу никуда, в том смысле, что я вообще больше дома быть люблю. Как мальчишки родились, так я и стал домоседом. С ними же столько забот: детские сады, секции, врачи, затем школа. Кормить, опять же...

— Подождите, — остановил Антона доктор. — Вы же говорите, что домом жена заведует.

— Да, заведует... — вздохнул мужчина. — Просто клуб у нее очень много времени и сил отнимает, особенно на выходных и по вечерам. Сами понимаете, общественная работа! Не до готовки. Но я все понимаю и помогаю ей — убираюсь, ужин нет-нет да и готовлю. А на выходных стираю...

— Так, с этим понятно... И что же произошло вчера?

— Видите ли, Кирилл Федорович, я вчера пошел на юбилей... — обреченно произнес Антон. — Занял денег у коллеги (карточка моя у Мариночки, а с пустыми руками как-то не комильфо) и пошел...

— Эгоистичный поступок... — улыбнувшись, сказал доктор.

— Еще какой! Самому стыдно... А потом еще и звонок телефона не услышал...

— Да уж... Безответственно с вашей стороны.

— И не говорите! Еще и выпил... В общем, в восемь вечера я позвонил сам. Естественно, Мариночку интересовало, где же я шляюсь. Я пытался объяснить, но где там... — грустно протянул Антон. — Но я ее понимаю. Ей нужно было быть на встрече, а мальчиков одних не оставить...

— Они уже достаточно взрослые, чтобы остаться одни, — возразил врач.

— Мариночка переживает, что они будут пить и курить или, не дай бог, ну вы понимаете... — пациент перешел на шепот, приложив руку ко рту, сказал: — Будут сексом заниматься...

Доктор кивнул и сделал еще одну пометку. Антон замолчал.

— Если честно... — и снова пауза. — То, что было потом, я заслужил.

— И что же было?

Антон зажмурился, снял очки и начал говорить:

— Стыдно о таком говорить... Я заслужил это. Когда я вернулся домой, она дала мне пощечину. Перед мальчиками стыдно — я для них должен быть примером, а я так поступил... — сказал Антон и снова замолк.

— Антон, рассказывайте, — успокоил мужчину Кирилл Федорович. — Выговоритесь, и станет легче.

Антон попил воды, надел очки и продолжил:

— Я пытался извиниться. Пришел с цветами. Она ударила меня букетом и сказала, что я могу идти туда, где я шлялся, к своим студенточкам... Что она уже устала и не может терпеть мои выходки... Что для меня ничего не значит ни она, ни дети, ни наша семья... Мне было ужасно стыдно.

Антон открутил крышку и попил еще.

— Я это заслужил... Она дала мне еще одну пощечину, сказала, что я чертов абьюзер, и ушла... Собственно, поэтому я здесь. Мне нужна помощь.

— Вам несомненно нужна помощь, — утвердительно сказал доктор. — Прежде всего, я бы советовал вам задуматься: может, проблема не только в вас?

— Как? Как вы смеете так говорить! — обиженно вскрикнул Антон. — Точно во мне!

— Хорошо-хорошо, не кричите... — устало произнес доктор. — А можете на следующий сеанс подъехать вместе с женой?

— Я не хочу, чтобы Мариночка что-то узнала...

— Мариночка... — протянул врач. — Кстати, вы мне так и не ответили: зачем ваша жена ходит на занятия по грудному вскармливанию? — врач посмотрел на Антона поверх очков, слегка улыбнувшись.

— Что? Я не понял вопрос...

Кирилл Федорович медленно произнес:

— Зачем ваша жена ходит на занятия по грудному вскармливанию?

— Н-не знаю, если честно, — задумчиво протянул мужчина. — Сказала, что это важно для нее. Как для женщины.

Минуту помолчав, Антон поднял глаза на врача и с ноткой подозрения в голосе спросил:

— В-вы что, хотите сказать, что она на них не ходит?

— Хотите правду? — вдруг сказал Кирилл Федорович. — Вы не абьюзер.

— А кто? — удивился Антон. — У меня психическое расстройство, да?

— Да, — сказал врач. — Вы идиот. Вы сутками впахиваете на работе, пока ваша жена проматывает ваши деньги с подругами, а вы потом еще таксуете, убираетесь и готовите. Она — абьюзер и манипулятор, а вы — дурак и идиот.

Антон слушал врача, сначала бледнея, потом багровея. К концу речи Кирилла Федоровича он возмущенно поднялся с кушетки, схватил портфель и крикнул:

— Ну знаете ли! Я не позволю вам оскорблять мою жену!

Мужчина сделал яростный шаг к доктору. Тот встал из-за стола, пристально смотря ему в глаза.

— Ну знаете ли! — фыркнул Антон и выбежал из кабинета, громко хлопнув дверью. В кабинете повисла тишина.

— Который уже за неделю у нас абьюзер? — задумчиво спросил Кирилл Федорович у медсестры.

— Третий... — вздохнула Екатерина. — И все-таки мне кажется, что зря вы с ними так.

— Это я методику проверяю. Такие только через претензию все понимают. Поставьте его на следующий понедельник.

— Думаете, вернется?

— Катюша, вы же прекрасно знаете ответ.

— Да... — вздохнув, сказала медсестра. — Они, «абыюзеры», всегда возвращаются...

ИСТОРИЯ ПРО МАЛЬЧИКА, ИЛИ ПОЧЕМУ ОЛИВЬЕ НЕ РЕЖУТ ТРЕУГОЛЬНИКОМ (Сказка)

В городе Бэ жил один мальчик. Он всегда мечтал. Мечтать у него получалось хорошо. Делать не получалось.

Мальчик мечтал кормить людей вкусными авторскими блюдами в одном из лучших заведений города. Заведение принадлежало известному человеку, который настолько сильно хотел, чтобы ресторан был лучшим не только в городе, но и по всей стране, что нанял отличного шеф-повара. Этот шеф-повар всегда знал, что хочет владелец и обычные люди, которые ходят в ресторан, и умел находить золотую середину.

Мальчик мечтал, и в один из дней пришел устраиваться в ресторан мечты. Он смутно представлял, как ресторан устроен, узнавать не хотел — только мечтал.

Мальчик думал, что сейчас его возьмут сразу поваром. А как иначе? Ведь он очень талантливый, с фантазией. Но шеф-повар посмотрел на мальчика и понял, что, несмотря на фантазию, мальчику нужно учиться. Чему? Всему, хотя бы азам кухни — как резать и готовить тот или иной продукт, как хранить, как подавать, как оформлять. Всему тому, чему шеф-повар когда-то учился, когда сам был мальчиком.

Посмотрел шеф-повар на мальчика и взял его мыть посуду. Чтобы узнать что-то, нужно начать сначала. Мальчик удивился, но согласился. Мечтать и мыть посуду удавалось совмещать. Он мыл посуду и видел, как он стал шеф-поваром, как он несет на красивом блюде что-то горящее, а посетители рукоплещут ему стоя.

Пока мальчик мечтал, он и не заметил, что моет посуду все хуже и хуже. На тарелках оставались потеки жира, а иногда и вовсе кусочки еды. Конечно, за такую работу он получил нагоняй.

Старший повар кричал:

— Да с такой работой дурак справится! Что тут трудного — мой тарелку до чистоты, и все!

Шеф-повар посмотрел на мальчика и пожалел, позвал к себе и спросил:

— А ты точно хочешь стать поваром?

— Точно... — грустно сказал мальчик. — Я мыл и замечтался.

— Мечты — это прекрасно, — по-отечески сказал шеф. — Только мойщик — это простая работа. У нее простая инструкция: берешь грязную посуду, моешь, она становится чистой. Тебе самому было бы приятно получить очень вкусное блюдо на грязной тарелке?

— Конечно, нет, — сказал мальчик.

— Вот именно. Казалось бы, ты просто плохо помыл тарелку... Но ты плохо помыл тарелку в большом ресторане, в котором много людей трудятся, чтобы вкусно кормить

посетителей. И вся работа этих людей пошла насмарку, — шеф развел руками и посмотрел на мальчика. — Понимаешь?

— Понимаю, — сказал мальчик.

— Тогда научись делать эту простую вещь хорошо, — сказал шеф и пошел учить уму-разуму нового повара.

Мальчик стал мыть посуду, каждый день. Все лучше и лучше. Но то замечается и разобьет тарелку, то поругается со сменщиком. Все у него какие-то неприятности.

Внезапно освободилось место резчика овощей — хорошая должность, уже почти повар. Мальчик набрался храбрости и пошел к шефу.

— Возьмите меня резчиком, пожалуйста! Клянусь, у меня получится, — говорил он шефу.

Шеф вздохнул и спросил:

— А научился ли ты просто хорошо мыть посуду?

Мальчик замялся, потому что до конца так и не усвоил эту простую науку.

— Не совсем, шеф. Но может, это не мое. Вот как резчик я себя проявлю. Вы увидите! Пожалуйста, шеф, — мальчик сложил руки и стал молитвенно ими трясти.

Шеф вздохнул еще раз, прочесал бороду. Он вспомнил себя еще совсем мальчишкой, вспомнил, как сильно хотел на кухню и сколько ночей не спал, делая заготовки. И разрешил мальчику стать резчиком овощей на испытательном сроке. С условием, что мальчик всему научится.

На следующий день мальчик гордо зашел на кухню, где царили свои правила. Шеф раздавал задания су-шефам, те — старшим поварам и просто поварам. Все работало, как слаженный механизм. Горячий цех жарил, парил и варил, холодный цех делал салаты и нарезки. Продукты лежали на полках и в холодильнике с этикетками и датами. Строго по часам приехала доставка новых продуктов, которые шеф лично принимал по накладной, внимательно осматривая рыбу и мясо, овощи и фрукты.

Мальчик стоял, смотрел и мечтал, как это он, весь такой шеф, принимает продукты. Он так и видел себя — в белом кителе, с бородой. Как он внимательно нюхает яблоко, затем кусает и пренебрежительно говорит: «Сойдет».

И тут мальчику прилетел подзатыльник. Пока мальчик мечтал, он ничегошеньки не делал. А надо было почистить картошку и нарезать, часть — кубиками, часть — брусочками. А главное — до открытия ресторана.

Мальчик спохватился и начал чистить картошку. Так как он этого никогда не делал, получалось довольно медленно. Очистки были толстыми, второй резчик его ругал и показывал, как надо. Мальчик загрустил и решил, что все против него — и второй резчик, и шеф, и картошка. И вообще, никто не понимает его мечтаний. Неприятные люди!

Мальчик плакал, было совсем не до картошки. Второй резчик скоро и споро почистил картошку и успел ее даже нарезать, часть — кубиками, часть — брусочками.

Время пришло, ресторан открылся и начал свою работу. Мальчик вытер слезы, бросил недочищенную картошку и начал смотреть во все глаза, второй резчик посмотрел на него и махнул рукой, унося все подготовленное поварам.

Мальчик стоял на кухне, об него все спотыкались. И тут он увидел приготовленные для оливье овощи. Он решил, что удивит шефа и сделает такой салат, которого тот и не видел. Шеф попробует, удивится, станет мальчика хвалить и назначит его своим помощником.

Мальчик подошел к доске и стал резать. Резать кубиками ему показалось банально, и он начал старательно нарезать оливье треугольником. Получалось дольше, но ин-

тересно, необычно и непривычно. Нарезав картошку, морковь, яйцо, мальчик стал искать майонез, совсем забыв о других ингредиентах. Не нашел. И вспомнил, что настоящие повара делают свой. Он не знал, как правильно, а спрашивать стеснялся. Да и не пристало талантливому повару советов и помощи просить! Сам! Мальчик стал придумывать, что-то сыпать, что-то лить. Вместо майонеза получилась какая-то странная и вонючая жижа, место которой в банке с надписью «лизун».

И тут...

Мальчик услышал, как шеф зовет его к себе. Подумал: «Увидел, как я работаю! Сейчас хвалить будет!» Мальчик взял свой салат и пришел к шеф-повару в кабинет.

Шеф спросил мальчика:

— Скажи, ты меня просил сделать тебя резчиком?

— Просил, — сказал, потупившись, мальчик.

— И я тебя сделал резчиком. Ты клялся, что будешь выполнять всю работу правильно и со всем справишься. Так?

— Так, но...

Шеф взмахнул рукой.

— Подожди. Второй резчик сказал, что ты даже не умеешь чистить картошку.

— Не умею, — согласился мальчик и тут же наябедничал: — А он дал мне подзатыльник! Это было обидно...

— За что?

— За то, что я стоял.

— А что ты должен был делать?

— Я... — заикаясь, сказал мальчик, — должен был чистить картошку. У меня не получалось, и он меня ругал.

— Потому что второй резчик, такой же, как ты, к слову, знает, что картошка должна быть готова к открытию ресторана. И спрос будет с него, а не с тебя. Он понимает, что на кухне во всем должен быть порядок. А ты всего лишь ученик, — сказал шеф и начал ходить по кабинету. — Он учил тебя, как правильно?

— Наверное...

— Так учил или нет? — подняв бровь, спросил шеф.

— Учил. Только я не слушал. Я обиделся, а потом злился, — стеснительно сказал мальчик.

— На кого же?

— На вас, на него, на картошку. Я думал, что вы издеваетесь и просто не хотите давать мне работать поваром...

— Так-так. А картошку-то почистил? — спросил шеф.

— Не знаю... Я плакал, — сказал мальчик и вдруг закричал: — Вообще-то, я готовил для вас свой авторский оливье.

— То есть ты бросил то, чем было нужно заниматься, и стал делать то, что хотел? — уточнил шеф.

— Да, — непонимающе ответил мальчик. — Для вас, между прочим!

— А помимо этого ты бросил и второго резчика, который чистил и резал картошку один?

— Получается, что да, — сжимаясь, сказал мальчик, ожидая крика.

— Второй резчик справился. Один. Без тебя и твоей помощи. Потому что он умеет чистить картошку и знает, что она должна быть готова к открытию ресторана. Он делал то, что нужно, правильно и в срок, — и за это я ему дам премию, а может, и возьму поваром, — сказал шеф.

— Но я же сделал оливье... — обиженно сказал мальчик. — Я думал, вы попробуете и скажете, что это лучшее, что вы пробовали.

Шеф прочесал бороду и попросил:

— Расскажи-ка мне рецепт оливье. Обычного оливье, который едят все.

Мальчик стал путано перечислять по порядку:

— Ну-у-у... Сначала мы все варим. Яйца, там, картошку, морковку... Режем все, колбасу, там, еще, огурец. Майонез. Вот...

Мальчик говорил, а шеф хмурился.

— А какие ты еще рецепты знаешь? — спросил он у мальчика.

— Ну знаю, еще рецепты, но при чем тут они. Готовка — это творчество! Какая разница — знаю я рецепт или нет? Главное, чтобы было вкусно! — мальчик возбужденно взмахивал руками.

— Ты не знаешь рецепта оливье, — резюмировал шеф. — И, наверное, даже не сможешь правильно сварить яйцо. А кубиками резать умеешь?

— Шеф, я решил быть креативным, — сказал мальчик. — И нарезал все треугольником.

Шеф нахмурился еще больше:

— А зачем?

— Чтобы выразить себя! Это же здорово — ни у кого нет такого оливье! — убежденно говорил мальчик.

— Пробуй! — шеф махнул в сторону тарелки с салатом. — Давай пробуй!

Мальчик попробовал свой треугольный оливье. Было невкусно: колбасы, огурцов и горошка не было, авторский майонез был несъедобен.

Шеф встал, взял тарелку с салатом и выбросил, а мальчику сказал:

— Творчество... Когда-то я был таким же мальчиком. Я напросился на кухню, потому что хотел учиться, чтобы стать хорошим поваром. Сначала я мыл посуду, она сверкала, как солнце, и отражала весь мир. Так я научился простой вещи — порядку. После этого я стал резчиком. Меня научили правильно выбирать продукты, правильно их хранить, правильно чистить и резать. Быстро резать я научился сам. Ночами напролет мы с другими резчиками нарезали все необходимое к открытию ресторана. Очень скоро я стал поваром. Я понял, что нужно учиться. День и ночь я читал поваренные книги, учебники по поварскому искусству и готовил, готовил. Миллион раз я сделал оливье по рецепту. И не только оливье. К тому моменту я уже был старшим поваром. Дома я начал экспериментировать, потому что все, что можно было знать и приготовить, я знал и готовил с закрытыми глазами. Так началось творчество — я придумывал новые блюда, новые сочетания. Но я по-прежнему знал, что оливье делается по определенному рецепту и режется кубиками размером с горох. Потому что так правильно — это удобно и вкусно есть. Я видел, как ты плохо мыл посуду, как ты не учился у своего напарника, плакал и бросил его одного с заданием. Видел я и то, как ты начал готовить свой треугольный оливье. Я не мешал и не прерывал тебя. Но готовил ты его не для людей в зале, которые любят хороший и вкусный оливье, по классическому рецепту, нарезанный кубиками под горошек. Ты его готовил даже не для меня, а только для себя. Блюдо, у которого только один дегустатор — сам повар, никому не нужно. Ты не научился делать нужное, не научился порядку. Тебе нечего делать на кухне.

Когда шеф-повар договорил, мальчик заплакал, снова обиделся и выбежал из ресторана. Он так и не понял шефа, он думал, что все это глупости. Мальчик пришел домой и почувствовал, как у него заболел живот.

Оказалось, что мальчик отравился треугольным оливье и умер.

ЩЕТКИ

Больше всего на свете Вадим хотел ей верить. Но верить никак не получалось...

Уже третий день он сидел в комнате, чувствовал дикую слабость — то ли от мучившего похмелья, то ли заболел от вечно открытого окна, в которое выходили выпускаемые им горькие клубы дыма. Спать удавалось обрывками, часы и минуты которых были наполнены потными и липкими кошмарами. Когда Вадим бодрствовал, время вообще останавливалось.

Мысли крутились вокруг одного — она сейчас с ним. Вадиму хотелось верить всем ее словам, но перед глазами вставали и вставали образы, которые никак не хотели его покидать. Она, он... Ну и дальше — классика.

Каждый раз его приезд заставлял Вадима чувствовать себя брошенным псом, которого берут в дом во время диких холодов или непогоды, а потом, когда погода приходит в норму, выставляют обратно, за порог. Так сказать, с вещами на выход.

Вадим отхлебнул из кружки, встал и, шатаясь, побрел в ванную комнату. Из зеркала на него смотрел помятый, заросший щетиной мужик, со злым и затравленным взглядом. Вадим провел рукой по щетине, поискал глазами бритву и наткнулся глазами на свою зубную щетку.

С..., щетки! Еще эти щетки...

Вадим рванулся из ванной, хлопнул дверью и прошел в кухню, включил кран и умылся. Облокотился на стол руками и замер, повесив голову. Рыкнул, ударил столешницу. Открыл холодильник и взял еще одну бутылку. Пшикнув крышкой, пиво отправилось по назначению.

А главное — чувства эти... Никуда не денешь. И выразить не можешь. В груди что-то переворачивается и жжет. Ревность? Нет, не ревность. Любовь? Если да — то на х... она не уперлась, такая любовь.

Зато чувствуешь себя живым...

Вадим усмехнулся.

Жертвенность. Ничего, и это пройдет...

Еще один удар по столу.

Не хочется страдать! И делить ее ни с кем не хочется.

В голове Вадима пронеслось, что он либо сходит с ума, либо становится чем-то средним между Горлумом, мистером Джекиллом и мистером Хайдом.

Шиза!

И тут же в голове — все неважно. Да и, в конце концов, он знал, на что шел и что все будет именно так. Она сама вольна выбирать. И вообще — у нее муж. М—У—Ж... Слово такое, странное. Слово жук взлетает над полем...

Вадим и сам когда-то был муж. В итоге десять лет жизни, как с куста. Жене надое-ло, она ушла.

Видимо, муж — это что-то неприятное. Раз они все от этого самого мужа бегут и что-то ищут.

Вадим, шлепая босыми ногами, захватив еще пару бутылок из холодильника, прошел через узкий темный коридор обратно в комнату. Поставил бутылки у дивана и сел на пол. Из окна дунуло ветром. Перед рассветом всегда пахнет как-то по-особому: дождем, травой и листьями, какими-то цветами... Тихо как. Хорошо жить на последнем этаже: есть шанс увидеть звезды и молнии во все небо.

Вадим уставился в экран телевизора и опять улыбнулся.

Фильм совсем не летний. Как-то с годами все больше любишь Ипполита...

Вадим потянулся к пульту и прибавил звук, по квартире разнослась та самая мелодия.

Все тоже началось зимой. Декабрь. Пошел снег. Первый поцелуй. И новая примета: если идет снег, значит, на губах будут таять не только снежинки... Медленно будет истаявать на губах ее вкус.

Вадим тогда тоже был в отношениях. Сложных, больных, злых. Она ждала его утром на завтрак, а он, напившись, спал дома, рядом с той, прежней. И не мог ответить — почему не пришел, хотя обещал.

И бежал сквозь снег. Чтобы хотя бы пару минут просто посмотреть на нее. Не извиняться, а просто смотреть. Чувствовать, что сердце сейчас разорвется от любви.

Как дурак семнадцатилетний.

Вадим выключил телевизор, бросил пульт и потянулся за бутылкой. Отхлебнул, поставил бутылку рядом с собой. На полу лежала пачка с сигаретами. Вадим взял одну, вставил в уголок губ, чиркнул спичкой и затянулся. Щеки от затяжки впали. Клубы горького дыма снова заполнили комнату.

М—У—Ж—Ж—Ж—Ж... Хотя больше на назойливую муху похоже. Он, кстати, меньше всех виноват. На его месте точно не хотелось быть.

Вадим усмехнулся и сделал еще одну глубокую затяжку.

Странно. Хороший мужик. Но ненависть эта... Образы, образы, образы в голове. Изводят. Как она его обнимает, как целует, как говорит те же слова, что и ему.

Как же можно так — испытывать сразу столько всего?

Вадим снова встал, походил по комнате, взъерошил волосы и споткнулся о сумку, в которой лежали его так и не разобранные вещи.

Уже в третий раз.

В первый раз было больно.

Во второй раз Вадим с каким-то мстительным удовольствием от своей боли накануне расстелил чистое постельное на диван и начал собирать все свои вещи в ее квартире.

Третий раз дался внешне легче, но внутри, в душе, зияла огромная черная дыра, а на пепелище того, что еще вчера называлось счастьем, тлели горячие злые угли.

Все и началось со щеток. Какая-то война в его душе.

Щетка мужа долго стояла рядом с ее щеткой. Это сводило с ума. А щетка стояла и стояла в стакане. И он отчетливо понимал, что ничего не изменится. Она будет жарко шептать ему на ухо пошлости, невероятный секс, а утром, после завтрака, они будут разлетаться по своим жизням.

Но в какой-то момент что-то изменилось: щетка мужа исчезла, а на ее месте образовалась его, Вадима, щетка. Маленькая победа! Правда, червячок самоедства внутри твердил, что это все... Ну... Неправильно. Щетка была такая же, как и у мужа. Синяя, с зеленым. Топорщила свои щетинки в разные стороны и стояла рядом с ее щеткой.

В первый раз, когда он собирал вещи, рано утром, после тревожной ночи, привычные процедуры стали болезненными. Он еще не ушел, его сумка стояла в коридоре, а на месте его щетки снова была щетка мужа.

Она словно чувствовала, как ему внутри паршиво — гладила по щеке, шептала, что очень и очень любит его. От этого становилось еще паршивее. Вадим знал, что сегодня вечером те же слова она будет шептать не в его ухо. Не хотел этого знать. Хотел верить ей... Но перед глазами... В ушах... Ее стоны и голос мужа.

В ту ночь он пил... И в следующую. И еще несколько дней. Может, недель. Время стерлось. Хотелось быть волком. Вспомнились даже слова бывшей, которая при расставании назвала его «песиком», бегущим безвольно за новой хозяйкой.

Что ж... Пса вновь бросила хозяйка...

В следующие разы все повторялось. Она говорила ему о своей любви. Но его щетка, как по мановению руки, сменялась щеткой мужа.

И начинался ад.

Вадим горько ухмыльнулся, присел на корточки, расстегнул сумку и стал доставать вещи. Он аккуратно разложил все по своим местам: футболки, трусы, шорты, носки... Брюки и рубашки отправились на вешалку в шкаф...

Вадим закрыл дверцу и спокойно направился в ванную. Разделся, аккуратно повесив вещи на крючки. Встал в ванну под душевую лейку и долго-долго стоял под горячей водой. Совсем красный, он растерся полотенцем и привычным движением завязал его на поясе. Взял пену для бритья, с удовольствием нанес ее на щетину и побрился.

Когда Вадим потянулся к зубной щетке, рука его дрогнула. Но зубы успешно были вычищены, и щетка отправилась на привычное место.

Вадим вышел из ванной, открыл шире окна, нашел пульт и включил все тот же фильм. Подошел к шкафу и стал одеваться. Вот и костюм, который они выбирали вместе и который чертовски шел к его глазам.

Надо что-то с этим делать.

В квартире Вадима хлопнула дверь.

На экране герои были шокированы появлением Ипполита.

«Боже, как скучно мы живем. В нас пропал дух авантюризма. Мы перестали лазить в окна к любимым женщинам. Мы перестали делать большие хорошие глупости», — говорил в пустоту темной квартиры до боли знакомый и несчастный голос Ипполита...

РОДНЫЕ ЛЮДИ

Пашка не видел маму уже с лета. Последний раз он приезжал в свой родной городишко во время отпуска. И то не по великому желанию, а потому, что «надо». Традиция такая. Она завелась во времена учебы в институте. На лето приезжать домой, тусить с друзьями детства, помогать родителям и бабушке с дедом на огороде. Потом институт Пашкой был окончен, работа найдена. А традиция летом брать отпуск и ехать к родне осталась.

Пашка вздохнул, купил билет в трясущийся старый автобус и через полчаса уже мчался со скоростью пазика из областного центра. Дорога должна была занять чуть больше пары часов.

Пашка смотрел в окно, слушал музыку и злился. Его укачивало, пейзаж раздражал. Еще этот старикан...

Пашка вообще не понимал, как этого деда посадили в автобус. Старик был очень похож на бомжа и редкостного забулдыгу. Седые грязные волосы торчали под разными углами, борода скаталась какими-то неприятными колтунами. Коричневое от солнца и ветра лицо было грязным. Явно уличная жизнь сказывалась и на вонии, шедшей от старика, и на одежде. Грязная футболка с надписью «ЛДПР», серый прохудившийся пуховик — настолько грязный, насколько дырявый. Из него лез синтепон, который только усиливал неприятное ощущение от колтунов в бороде. В трясущих руках с мозолями, коричневых от загара и грязи, с черными ногтями, старик вертел квиток билета и кепку. Черные штаны и летние туфли явно деду не принадлежали.

Но больше всего Пашку напрягал невыносимый запах и желание соседа уснуть на его плече. Он дергал рукой, стараясь скинуть с себя попутчика и как можно сильнее его ударить, чтобы тот оставил идею класть голову на его плечо.

— Слышь, отец, ты давай ровнее держись! — недовольно сказал Пашка и растолкал соседа. — Я тебе как бы в подушки не нанимался.

Дурнопахнущий дед запахнулся в куртку и пробурчал — что-то про невоспитанную молодежь и что ему скоро выходить, вообще-то.

Пашка снова уставился на унылый зимний пейзаж за окном.

Сегодня утром позвонил отец. Сказал, что нужно ехать, мама серьезно приболела. Пашка был зол. Да нет, не на отца или болеющую мать. На себя. Планы сорвались. И вот в субботу вместо веселой поездки на турбазу он едет в старом автобусе по печальному поводу. И не испытывает ничего из приличествующих сыну чувств. Только злость.

Ну и Маринка, конечно.

Хотел к ней подкатить под пивко и винишко, а теперь по-любому она Игорьку достанется. Эх...

Не вовремя все это. Сейчас нужно будет подбадривать маму. К бабушке идти... Слушать дедовы истории по сто тридцать третьему кругу, про детство, про то, как раньше хорошо жилось. Да и отец начнет после рюмочки жизни учить. Еще маму за руку держать...

Проходили, было уже так.

Когда бабушка ногу сломала. Тогда тоже повздыхали, разошлись. Бабушка выздоровела. Только времени потерянного жаль. Сейчас бы с Маринкой сидел. Глядишь, вечером бы чего и обломилось...

Сосед Пашки вдруг захрипел и зашелся жутким неприятным кашлем. Глаза его выпучились, налились слезами. Он пытался вздохнуть, но никак не мог. Хрипел, сипел, но дышать никак не получалось.

Пашка оторопел. Вонючий дед хватался за парня руками, кашлял, пачкал одежду слюной.

— Эй, остановите автобус! Человеку плохо! — крикнул Пашка, пытаясь отцепить от себя руки попутчика.

На соседних креслах заголосила женщина. Автобус остановился.

На улице был жутчайший мороз. Пашка это понял, когда вытащил старика на улицу. Лицо сразу замерзло, холодом начало щипать ноги под джинсами. Батя бы сейчас так и сказал: «Фи! Городской...»

Рядом с дедом сразу же засуетилась какая-то женщина. Тот по-прежнему хрипел, лежал на снегу, хватаясь уже за одежду незнакомой тетки.

— Ты чего так отца запустил? — с упреком обратился к Пашке водитель.

— Какого отца? Это не мой отец!

— Да ладно, не отпирайся. Понимаю, что стыдно. Чего это он?

Пашка оторопел.

— Не, мужик, это не мой отец. Я к своему как раз еду. А с этим... Не знаю что. Закашлялся резко... — Пашка развел руками и посмотрел на лежащего деда.

Тот нырнул лицом в снег, и, видимо, от холода его горло на секунду разжалось, впуслав немного воздуха. Дед вздохнул и снова зашелся в кашле.

Водила вытащил из автобуса аптечку, сунул Пашке в руки и сказал:

— Я посмотрел, по путевому листу батя твой тут и должен был выходить. Так что давай спасай родственничка, а мы поехали. Если еще постою, не заведушь. Пазик старый.

Водитель пошел к автобусу, а Пашка кричал, что дед-то, может, и должен был тут выйти, но он, Пашка, должен дальше ехать. И вообще — Пашка этого типá и не знает вовсе.

Тетка сочувствующе посмотрела на деда, потом на Пашку, смахнула слезу и сказала: — Вот жизнь... Не хотела бы я, чтобы от меня сынок отвернулся. Тут до села недалеко. Ты уж не бросай отца-то, не бросай...

Сказала, похлопала Пашку по руке и пошла в автобус. Пашка сначала замер, ничего не понимая, а потом рванул за ней. Но водила, гад, закрыл двери. Пазик, скрипя механическими суставами, отдалялся от Пашки, как бы он за ним ни бежал. Парень озлобленно что-то кричал, матерился, пока бежал, бросил тянущий руки оранжевый ящик аптечки, снова бежал, но автобус уже было не догнать.

Мороз. Пашка чувствовал, как мороз пробрался через легкую куртку и джинсы и крал тепло его тела. Оглянулся назад. В пятистах метрах лежал хрипящий дед, темным пятном выделявшийся на белом полотне снега.

Пашка пошел назад, по дороге собрав лекарства обратно в коробку аптечки. Руки мерзли, а лекарств особо и не было. Бинт, жгут, валерьянка, какие-то еще таблетки.

Время близилось к трем, солнце скоро зайдет.

Пашка быстрым шагом дошел до деда и бросил рядом с ним аптечку. Тот судорожно вдыхал ледяной воздух со свистом. Видимо, кислород хоть немного, но помог.

— Дед, ты, вообще, как? Дышишь? — спросил Пашка, особо не надеясь на ответ.

Дед еле-еле утвердительно качнул головой.

— Идти сам сможешь?

У Пашки в голове мелькнула мысль про село. Наличку в банкомате снять. Оттуда можно и уехать на чем-то.

«Уехать! Точно. Сейчас кто-нибудь мимо проедет, я и уеду», — подумал Пашка радостно.

Достал телефон. Сеть не ловила, а батарейка на морозе стремительно разряжалась. Солнце медленно клонилось к лесу. Чистый воздух звенел от мороза и тишины. В стороне от дороги, за деревьями, был виден дым, идущий из теплых животов сельских домов.

У Пашки от дикого мороза застучали зубы. Он пытался растереть ноги и руки. Но где в такой дубак согреться! В тонкой осенней куртке и тонких брюках. Еще и в кроссовках! Адски холодно...

Внезапно дед снова зашелся неприятным давящимся кашлем. Пашка сел рядом с ним, прикрыв рукавом рот, открыл аптечку и начал одной рукой искать хоть что-то знакомое. Лейкопластырь, йод, бинт, жгут... Из таблеток только аспирин и парацетамол.

Рука Пашки наткнулась на оранжевый пакет. Это было спасательное покрывало — так гласила на нем надпись. Делать нечего. Попуток нет, холод собачий. Пашка развернул покрывало на снегу, кое-как перевалил на него заходящегося в кашле старика. И потащил его по направлению к селу.

Снег был глубоким, а дед тяжелым. Кроссовки промокли насквозь, а пальцев ног Пашка уже не чувствовал. Кисти рук побелели, зато под курткой было горячо и даже мокро. Пашка останавливался, грел руки, хватался за край одеяла и шел дальше. Дед кашлял не переставая.

«Хоть бы дотянул... А то — чего я его ташу...» — зло думал Пашка.

На поле уже начали падать сумерки. Снег налился синевой, а на небе появились робкие звезды. И вдруг Пашка не поверил глазам: вдали на дороге, от которой он уже отошел довольно далеко, показался свет фар.

Парень чертыхнулся, когда машина промчалась мимо.

До деревеньки оставалось совсем немного. Дед то кашлял, то стихал, еле сипя, то снова заходился в жутком кашле. Пашка постучался в первый попавшийся дом, втащил за собой деда и путано объяснил ситуацию. На него кто-то заботливо накинул одеяло, а в руках парня тут же оказалась огромная кружка какого-то напитка.

Оказалось, что хоть здесь деду повезло. Они оказались возле дома сельского фельдшера, который вместе с женой утащил куда-то едва дышащего деда. Пашка слышал, как за стеной тот продолжал кашлять, а мужчина что-то говорил жене. Та собрала полотенца, принесла аптечку, кипятик и бутылку с чем-то прозрачным, закрыла дверь и обратилась к Пашке:

— Замерз, касатик? Давай одежду снимай. Не хватало еще воспаление подхватить. Сейчас я тебе сухое и теплое принесу. И давай, — махнула она рукой, — к печке поближе садись.

Пашка непослушными пальцами расстегнул замок куртки, положил ее на скамью, снял мокрые кроссовки и такие же мокрые носки. Пальцы на ногах были белыми, как снег. Затем настал черед джинсов, футболки и трусов. Пашка накинул на себя одеяло и сел поближе к печке.

Женщина вышла через пару минут и принесла Пашке большие треники, колючую вязаную кофту и такие же носки. Взгляд у нее был полный сочувствия:

— Там батя твой... Совсем плох.

Сил объяснять, что это не его отец, у Пашки уже не было. Когда жена фельдшера ушла, он натянул на себя принесенную одежду. Ноги в колючих носках стали согреваться, Пашка прислонил ступни к печке. Тепло поднималось выше и выше. Через несколько минут он не заметил, как заснул.

Проснулся Пашка оттого, что его кто-то тряс за плечо. Он начал было возмущаться, что невозможно ездить в автобусе со всякими. Но тут сознание его догнало, он встрепенулся и понял, что не в автобусе.

Будил его фельдшер.

— В общем, не знаю, как сказать... Ты, парень, крепись... Как бы... Все там будем...

Врач сунул Пашке в руки какие-то рваные грязные документы и деньги.

— Я «скорую» вызвал, — сказал фельдшер. — И полицию тоже. Ты будь добр, дождись их. Я сказал, что батя твой умер.

Полиция и «скорая» приехали через пару часов. Врачи констатировали смерть, заполнили необходимые бумажки. Правда, у деда были не все документы, только паспорт. Пашкины данные тоже взяли. Полицейские выдали протокол об осмотре тела. Пашке никому ничего не пришлось доказывать. Минимум вопросов, бумажки, подписи. Тело деда забрали и увезли на вскрытие.

Пашка поблагодарил фельдшера и его жену за гостеприимство, оделся в свои уже высохшие от печного тепла вещи.

— Я его документы и деньги оставлю у вас?

— Нет-нет, ни в коем случае, — закачала головой женщина. — Забирайте с собой.

— Скажите, а где здесь таксисты? Ну или кто-нибудь, кто сможет отвезти в другой район?

Хозяева дома объяснили, как пройти к местному жителю, занимающемуся извозом.

Пашка вышел на улицу. Зимой темнеет рано. Вроде бы не поздно, а уже совсем ночь. Мороз. Минут за пять дошел по накатанным скользким улицам к указанному дому. Постучался. На его стук лаем отозвалась вся деревня. За забором включился свет. Пашка услышал шарканье обуви, мужик ругнулся на собаку, повозился с запором и открыл.

— Ты кто? — сонно, придерживая телогрейку на голом торсе, сказал мужик. — Че надо-то?

Пашка объяснил, что ему нужно срочно в другой район.

— Че по деньгам? — спросил мужик.

Пашка вспомнил, что не нашел банкомат. Телефон уже сел. В кармане — только деньги деда. Он достал их, пересчитал, показал мужику и спросил:

— Хватит?

Тот пальцем поводил по банкнотам, лежащим в Пашкиных ладонях, посмотрел на него, вздохнул и сказал:

— Заходи. Ща оденусь, машину прогрею и поедем.

Пашка обрадовался, как ребенок, что сможет уехать домой.

Через час Пашка уже стоял на пороге родительского дома. Ему открыл отец, обнял, отодвинулся осмотреть Пашку с ног до головы и сквозь усы усмехнулся:

— Фи! Городской... А что, у вас там, в вашем городе, теплую одежду еще не изобрели?

Пашка улыбнулся.

— Как там мама?

— Получше. Заходи, чего стоишь на пороге? — отец пропустил Пашку в сени. — В ногах правды нет.

Пашка зашел в дом, поставил телефон на зарядку и переоделся в приготовленное мамой домашнее.

Пашку ждали. Приготовили ужин, накрыли стол, словно был какой-то праздник. Как будто Новый год. Дед уже начал свои рассказы про Пашкино детство, про Советский Союз. Пашка слушал его и улыбался.

Отец после пары рюмок начал расспросы: когда, мол, сын, ты женишься и что ж это за работа такая — в офисе штаны просиживать. Пашка шутил — говорил, на ту зарплату, которую он получает, можно много штанов для просиживания купить.

Маме действительно было значительно лучше, она сидела со всеми за столом и лишь немного покашливала.

От звука кашля Пашка вздрогнул.

— Сынок, что такое? — спросила мама, глядя Пашку по спине.

И тут Пашка заплакал и вышел из-за стола. Он стоял на улице без куртки и смотрел на звезды. К нему во двор вышел отец с его звонящим телефоном и, ничего не говоря, передал ему в руки и ушел в дом.

На экране светился незнакомый номер. Пашка удивился: кто бы это мог звонить с неизвестного так поздно? Взял трубку и услышал голос:

— Здравствуйте! Извините, что беспокою вас практически ночью. Это Павел?

— Да, здравствуйте! Это Павел, — ничего не понимая, ответил парень. — А кто это?

— Это вас из морга беспокоят. По поводу Владимира Петровича... Вы знаете его родственников или хоть кого-то, кто будет заниматься организацией похорон?

Пашка не знал, что ответить.

— Знаете, я не уверен, что у него есть родственники... Я просто с ним ехал на соседнем кресле в автобусе. Ему стало плохо, я его дотащил до села...

Пашка поднял глаза на звезды. Голос задрожал.

— И он умер... — еле выдавил Пашка.

— Павел, извините. Поняла, вы не родственник, — сказала женщина на том конце провода.

— А что... — Пашка не знал, как спросить. — А как... Как и кто его похоронит?

— Просто если у него нет родных, мы его похороним на местном кладбище за счет государства. Там полагаются деньги. На памятник, конечно, не хватит. Но крест с та-

бличкой будет. Кому надо — найдет, — женщина на том конце провода вздохнула. — Не беспокойтесь. Закопаем уже завтра...

Пашка растерялся:

— Я вам перезвоню, можно?

Женщина что-то пробурчала про рабочий номер телефона и отключилась.

«Как же это так? — думал он. — Живешь-живешь, а потом раз — умер. И будто и не жил...»

Пашка как-то мгновенно успокоился, он вернулся к родным и рассказал о сегодняшнем событии. Все за столом притихли.

— Вы простите меня... — Пашка посмотрел на маму, папу, повернулся к своим старикам. — Простите, что я так редко приезжаю, редко звоню...

Все кинулись Пашку уверять, что все в порядке.

— Тут такое дело... — начал Пашка неуверенно. — В общем, деда этого... У него родных нет, его завтра закопают, как собаку. И даже проститься с ним некому. Я сам не умею...

Тут Пашку прервал отец:

— Паш, мы поможем тебе организовать похороны. Звони этой женщине, скажи — утром приедем, заберем старика.

— А что сказать ей?

— Скажи, что мы — родные люди.